

Микола Агам

УКУС
СКОРПИОНА



Главный герой романа Костя и не подозревал, чем обернется его студенческий роман с девушкой Сашей спустя восемь лет после разрыва с ней. Время не излечило его от любви, несмотря на то, что Саша побывала замужем и родила сына. Однако Саша не так проста, как кажется на первый взгляд. Помимо Кости ее внимание обращено и на Тютрина, с которым также связано прошлое. Героев преследует причудливый, зыбкий, клубящийся мир внезапных встреч и утрат, непредвиденных сцеплений и разрывов, противоречивых эмоций и отрицающих одна другую ситуаций, погружая в слепоту (иллюзорность) и прозрение, которое, в свою очередь, может оказаться мнимым.

Микола Адам

Укус скорпиона

*Любовь — это
обладание и
самоутверждение.*

А. Мердок

*Ну, ладно, давай
попробуй быть моим
Богом, каким-то
Богом!..*

«Слот»

1

— Алло... Костя... Ты мне нужен!..

Пауза.

— Пожалуйста, не молчи... Мне очень страшно...

Пауза.

— Прости меня!.. Скажи что-нибудь...

— Я тебя услышал.

— Ты сможешь приехать ко мне?

Пауза.

- Ты сейчас в Малиновке¹ или на работе?
— На работе. У меня вторая смена.
— Это хорошо.
— Что хорошо?
— Что ты в Серебрянке². Ты же сможешь ко мне приехать после смены?
— Ты хорошо подумала?
— Ты мне нужен, Костя!..
— Месяц назад ты говорила обратное.
— Я помню. Я была не права...
— А сейчас что изменилось?
— Сейчас ты мне нужен!
— На сколько?
— Навсегда.
— Что-то случилось?
— Мне страшно. Не по телефону, Костя... Я буду тебя ждать... Ты ведь приедешь?..
Пауза.
— Я боюсь выйти из дома без тебя...
— Я приеду. Но только после работы.
— Я поняла.

¹ Микрорайон Малиновка расположен в юго-западной части Минска.

² Микрорайон Серебрянка расположен в юго-восточной части Минска на левом берегу реки Свислочь.

Пауза.

— Костян!.. Харэ базарить! Штабелер долго будет простаивать?...

— Иду я! Иду!..

Пауза.

— Костя, ты здесь?

— Я не могу сейчас разговаривать. Фура пришла, я на штабелере.

— Я жду тебя после работы, Костя! Мы с Пашей ждем тебя...

— Я приду, Саша. Пока.

Пауза.

— Костян! Долго тебя ждать?...

— Да я уже...

— Уже он...

2

Саша положила телефон рядом с собой, подобрала ноги, обняла их руками, прислонясь спиной к стене. Она сидела на тахте, застеленной цветастым покрывалом, в съемной двухкомнатной квартире по проспекту Рокоссовского. Ее шестилетний сынишка на той же тахте играл в Бэтмена на ноутбуке. По телевизору шли мультки про черепашек-ниндзя. В глазах Саши сынок был героем. Защищал от Тютрина!..

Тот забрал Пашку из детского сада без ее

ведома. Какой же идиоткой, верно, Саша казалась воспитательнице, когда пришла за Пашкой.

— А вашего мальчика уже забрали, — сказала ей воспитательница, молодая, наглая, с красными волосами.

— Как забрали?! — не смогла сдержать удивления Саша. — Кто?! Когда?!

— Молодой человек, — продолжала говорить воспитательница, в голосе которой вдруг слышались нотки неуверенности и вины, — с полчаса назад. Он представился вашим другом, сказал, что вы задерживаетесь и не сможете сегодня прийти за Пашей, что вы попросили его сами. Да и мальчик к нему сразу побежал и подтвердил, что пришедший за ним человек его друг.

— Вы должны были мне позвонить! — нервно кусая губы, произнесла Саша.

— Я и хотела сначала, — оправдывалась воспитательница, — но молодой человек был таким убедительным...

— Никогда... слышите, никогда не смейте отдавать моего ребенка никому, кроме меня и его папы, — процедила Саша, — если я предварительно сама не сообщу, что Пашу может забрать кто-то другой.

— Я поняла, Александра Владимировна, — переминаясь с ноги на ногу, виновато потупив глаза, проговорила воспитательница. — Подобного

больше не повторится.

— И еще: я этого просто так не оставлю, — заявила Саша в сердцах.

— Это ваше право, — покорно согласилась воспитательница.

— Прощайте! — бросила ей Саша и стремительной походкой покинула территорию детского сада. Она набрала Тютрина. Тот неожиданно быстро ответил:

— Слушаю, любимая!

— Пашка с тобой? — резко спросила Саша.

— Да, мы во дворе около твоего дома, — признался Тютрин.

— Ты вообще охренел?! — закричала девушка в трубку.

— Не кипешуй, малая! — прозвучало в ответ. — Тепло же, весна в самом разгаре. Пускай ребенок насладится природой...

— Это не твой ребенок!..

Саша прекратила разговор, ускорила шаг. Вечернее солнце слепило глаза.

Когда она оказалась рядом с домом, Пашка, худощавый, белобрысый мальчишка, ковырявшийся палкой в песочнице на безлюдной детской площадке, бросился ей навстречу. Тютрин, сидевший на скамейке неподалеку, словно надзиратель, резво поймал его за воротник куртки. Мальчик закашлялся. Видимо, ему сдавило горло.

— Отпусти его, урод! — накинулась Саша на Тютрина, высокого, спортивного телосложения, чуть ли не на лысо постриженного блондина, с кулаками. Тот, однако, встретил ее ударом в живот. Девушка согнулась пополам, глухо охнув, и рухнула Тютрина под ноги.

— Мама! Мама! — завопил Пашка, вырываясь из рук Тютрина. — Отпусти меня! Я все Косте расскажу! Он тебя убьет!..

— Очень сильно сомневаюсь, — криво ухмыльнулся Тютрин. — Скорее я его инвалидом сделаю, — почесал он перебитый нос и велел Саше: — Поднимайся, дело есть.

— Нет у нас с тобой больше никаких дел, — простионала Саша, с трудом вставая на ноги.

— Ошибаешься, — возразил Тютрин. — Ты — моя, запомни это! Никакой Костя тебе не поможет! Если он вдруг появится где-нибудь на горизонте, пожалеет на всю оставшуюся жизнь. Телефон давай!

Не дожидаясь Сашиного согласия, он вытащил мобильный, торчавший из заднего кармана ее джинсов.

— Не пожалеет! — выкрикнул Пашка. — Это ты пожалеешь! Я думал, ты — мой друг, а ты не друг! А Костя — мой самый лучший друг!

— Короче, пошли! — схватил Тютрин Сашу за руку и потащил ее и ее сына к подъезду. —

Открывай! — приказал девушке у подъездной двери.

К сожалению, никого, кто бы мог помочь Саше, рядом в это время не оказалось, а случайные прохожие проходили мимо, отворачиваясь или опуская глаза. По крайней мере, девушка так думала. Все произошло очень быстро.

Поднявшись лифтом на шестой этаж, Тютрин втолкнул Сашу с ребенком в квартиру, зашел следом и захлопнул дверь. Мэри, миниатюрная кошечка двух лет, встречала хозяев. Когда Тютрин протянул руку к ней, чтобы погладить, кошка цапнула его за палец, отпрыгнула и шмыгнула под тахту в зале.

— Вот мерзкое животное! — произнес Тютрин, облизывая поцарапанный до крови палец.

— Мэри хорошая! — воскликнул Пашка.

— Что тебе надо? — спросила незваного гостя Саша. Они оба оставались в прихожей. Девушка, скрестив руки на груди, прислонилась спиной к стенному шкафу. Тютрин стоял напротив. Спиной к дверям.

— Откуда столько ненависти? — поинтересовался он.

— Ненависти?! Ха! — возразила Саша. — Много чести! Ты мне омерзителен, но я тебя не ненавижу. Я отношусь к тебе никак, как к пустому месту. Ты сам все изгадил.

— Ты говорила, что любишь меня, что хочешь дочку от меня родить...

— Я любила тебя, Женя! Я этого не отрицаю. Но сейчас я хочу, чтобы ты оставил нас в покое!

— Кого это нас? Тебя и задрота этого очкастого?

— Меня и Пашу.

— Ты — моя, не забывай этого!

— Я — своя, и я не вещь!

— Послушай, если я увижу тебя с другим, я не знаю, что с вами обоими сделаю!..

— Твои угрозы тебе не помогут. Ты сам все испортил. Я давала тебе шанс. Обидела Костю и оттолкнула от себя ради того, чтобы быть с тобой. Ты этого не оценил. Ты только оскорблял меня, унижал и бил. Уходи, или я вызову милицию. Ты мне никто, Женя, и я тебя не боюсь...

— Не боишься?... — перебил Сашу Тютрин, широко улыбаясь.

В следующую секунду его рука метнулась к горлу девушки и сдавила его тисками, впечатав Сашу в шкаф. Она захрипела, инстинктивно вцепившись обеими руками в руку, сжимающую ей шею. Воздуха катастрофически не хватало и почему-то дико захотелось в туалет. Только бы не описаться у него на глазах, таких страшных и пьяных. Он никогда трезвым не появлялся с тех пор, как понял, что обрел власть над ней. Да, ей

нравились его грубость и брутальность, криминальное прошлое, которым Тютрин кичился, даже побои поначалу нравились, которые воспринимались как игра, прелюдия к сексу. Дальше стало только хуже. Тютрин не воспринимал ее как личность, лишь как собственность, растаптывал ее и смешивал с грязью. Когда Саша поняла это, чуть не сошла с ума. Променяла Костю на этого подонка! Но тем не менее зависела от него, как наркоманка. Даже сейчас... Дура!.. Дура!.. Дура!..

— Отпусти маму! — в прихожую вбежал Пашка. Он укусил Тютрина за ногу. Тот отшвырнул мальчишку, как котенка, на мгновение ослабив хватку. Этого хватило Саше, чтобы вдохнуть воздуха и заехать коленом Тютрину между ног. Тот охнул, отпустив девушку, и закрутился волчком на одном месте, часто дыша, преодолевая боль. Саша выхватила свой телефон и юркнула в туалет, заперлась в нем, посчитав наиболее безопасным местом. Пыталась набрать трясущимися руками номер службы спасения.

Тютрин одним рывком распахнул дверь туалета, вырвав замок «с мясом». Ударил по Сашиной руке с телефоном. Она его не удержала. Телефон куда-то отлетел. Тютрин выволок Сашу за волосы в прихожую, двинул ее головой о дверь стенного шкафа. Пашку запер в детской. Мальчик

плакал, кричал, требуя не трогать маму, и царапал ногтями дверь, пытаясь ее открыть.

— Сука! — пнул Тютрин лежавшую на полу девушку. — Успела, сука, мусорам настучать или нет? Отвечай!

— Успела, — прохрипела Саша. — Еще как успела! А ты и обосрался от страха, мудака?...

— Не дожدهшься, — ответил Тютрин. — Хотел же по-хорошему. Это ты виновата!.. — проорал он. — Ладно, я уйду, но обязательно вернусь, слышишь меня? Бабки где твои?

— Не твое дело, — прозвучал ответ.

— Без тебя найду, — буркнул Тютрин.

Он взял ее сумочку, достал кошелек.

— Не смей! — Саша поднялась на ноги, держась за стену.

— А то что? — усмехнулся Тютрин. Он раскрыл кошелек и выгреб все его содержимое.

— Это все, что у меня есть, — заплакала Саша.

— Не сдохнешь, — спрятал деньги Тютрин в карман джинсов. — А пока отдохни.

Он саданул ей в челюсть кулаком. Голова Саши мотнулась и ударилась о стенной шкаф. Тютрин удержал девушку от падения и бережно уложил на полу. Посмотрев в зеркало трюмо, он сам себе улыбнулся, подмигнул, вышел из квартиры и захлопнул за собой дверь.

— Мразь... — проскулила Саша, не сдерживая слез. Но она действительно сама была во всем виновата.

Поверила, снова поверила человеку, предавшему однажды...

3

Костя с Сашей познакомились восемь лет назад. Осенью. На чьем-то дне рождения. Из первокурсниц. Она только поступила учиться в кулек, он оканчивал пятый курс.

Нет, сердце его не екнуло и не забухало, пытаясь вырваться наружу. Оно вообще никак не прореагировало. Еще бы, кроме Саши праздничную комнату украшала чертова дюжина первокурсниц, самых разных и на любой вкус. Глаза разбегались, не в силах сосредоточиться ни на одной из них. Рукам повезло больше. Они опустились как раз на Сашину грудь, когда хозяйка вечера решила увековечить момент фотографированием и попросила присутствующих плотнее скучковаться, чтобы всем попасть в объектив камеры. Саша оглянулась, с любопытством посмотрела на Костю снизу вверх в силу маленького роста, но рук его не убрала. Костя бодро ей улыбнулся и подмигнул, мол, все нормально, только в тот момент поняв, где находились его руки. Морально подготовился к

возмущению, скандалу и к подаче маленького кулачка в нос. Однако пронесло. Девушка повернулась лицом к камере. На несколько секунд ослепила вспышка.

А потом ничего. Ничего интересного, потому что Костя забыл о ней.

До того момента, пока не пошел дождь. Не тогда, а после, через некоторое время. Он стоял под зонтом. Она — без. Они почти одновременно вышли из общежития на улицу. Саша спешила к метро. Косте было в другую сторону. Но ливень лил безжалостно. Костя не узнал девушку, но что-то ему подсказало, что он обязан ей помочь. Она же промокнет до нитки за считанные секунды.

Скорее всего, она узнала его сразу. Однако не подошла и не попросила провести, поделиться зонтиком, под которым Костя невозмутимо курил. Он всегда курил, стоя на месте, и никогда — на ходу. Вогнув голову в плечи, девушка засеменила по дороге к метро.

Костя смотрел ей вслед. Докурил. Потом побежал за ней. Она успела сделать одиннадцать шагов. Спрятал ее под зонтик, взяв за руку.

— Ой, спасибо большое! — подняла она глаза на него. Цвета светлого чая.

И его словно обожгло. Тепло разлилось по всему телу, в особенности тогда, когда рука девушки оплела его руку и осталась на ней лежать,

доверчиво и спокойно.

— Ничего, что я так? — улыбнулась Саша, имея в виду руку на руке.

А улыбкой одарила удивительной! Именно ею девушка и очаровывала всех вокруг. И фигурой она обладала такой же удивительной, как и улыбка. С ростом, правда, не повезло слегка. Она еле доставала Косте до плеча, это на каблуках. Хотя, кто знает, возможно, девушка и должна быть такой, как Саша, ангелоподобной, миниатюрной, блондинистой...

Как же не хотелось, чтобы эта случайная прогулка закончилась! А метро неизбежно приближалось. К нему идти-то всего две минуты, максимум, три от общежития.

— Костя, — почему-то назвал он ей свое имя. Скорее всего, по той причине, что ее имени не помнил и надеялся услышать его в ответ.

— Я знаю, — улыбнулась Саша все так же сногшибательно. По-другому улыбаться она просто не умела. — Мы познакомились, помнишь, на дне рождения?...

— Конечно! — подтвердил Костя, а куда деваться. Он помнил все, что происходило на том дне рождения, а имя Сашино забыл как назло. — А давай познакомимся заново, — вдруг предложил и продолжал говорить дальше, чтобы не упустить момент и чтобы не разочаровать девушку в самом

начале своей плохой памятью, что не свойственно в общем-то для режиссера, на которого учился: — Мы сейчас под этим зонтиком и под этим дождем, как Адам и Ева на райском острове. — Куда его несло? Но остановиться он не мог. — Однако мы с тобой не Адам и Ева, согласись. Поэтому, прошу, просто представь, что зонтик — это остров, на который или под который прибило только нас двоих, а кругом и повсюду — вода. Нам же надо как-то обращаться друг к другу, чтобы позвать на помощь, когда кто-кто из нас вдруг станет тонуть...

— Александра, — прервала его девушка, назвав свое имя, и мягко добавила: — Саша.

Точно, Саша! Он вспомнил! А как мог забыть?...

Метро приближалось как данность. И ничего нельзя было с этим сделать. Пока Костя вещал про остров, они почти пришли. Спустившись в переход, Костя сложил зонтик, придержал входные двери в метро, пропуская Сашу вперед. Она купила жетон, направилась к турникету, рядом с которым стоял Костя. Он взял ее за руку и поцеловал по-детски маленькую ладонь. Она улыбнулась, застеснявшись.

— Надеюсь, мы еще увидимся?

— Конечно, — не отказывала девушка. — В одном же общежитии живем. Заходи в гости, буду рада.

Саша деликатно освободила руку, помахала на прощание ею и побежала на платформу, к которой подходил поезд. Костя стоял, как столб, и смотрел ей вслед, забыв на то, куда направлялся, когда вышел из общежития, и зачем. Он завидовал в ту минуту больше всего Коле Драничу, соседу по комнате, который учился на одном библиотечно-филологическом факультете с Сашей и даже в одной с ней группе занимался.

В гости к Саше Костя очень стремился. Чуть ли не каждый вечер поднимался на девятый этаж общежития, что на Рабкоровской, приближался к блочной двери, за которой в правой комнате жила Саша, тупо топтался на месте, не решаясь ни постучать в дверь, ни толкнуть ее. Как пацан, волновался и краснел, ноги подкашивались. И ни разу дверь не открылась сама па себе, никто за ней не почувствовал, что творится в коридоре. Мало того, никто не спешил в блок по-соседски, когда Костя там стоял неподвижно с занесенной перед дверью рукой, чтобы постучаться.

Саша, точнее, ее улыбка не выходила из головы. Однако он не искал с девушкой встречи. И все равно расспрашивал Колю Дранича о ней. Но тот так нудно и неохотно рассказывал, она его не интересовала, одним-двумя словами, а как-то вообще огорошил, сказав, что у Саши есть парень...

Ну конечно, у нее должен быть кто-то. При

такой внешности и одна — нонсенс. А он раскатал губу... Вроде она знает, вроде догадаться должна, что нравится ему. Да и старый он для нее. Она после школы только, а Косте скоро тридцатник...

И как он себя ни успокаивал, ни втолковывал, что ничего у них с Сашей не получится, не думать о ней не мог. Она начала ему сниться, ее имя он выводил пальцем на оконных стеклах троллейбусов, в которых ездил в театр на репетиции и обратно. А преодолеть себя и хотя бы постучаться в блочную дверь на девятом этаже так и не осмелился.

Как-то в кафе «Березка», что напротив станции метро «Площадь Победы», Костя после репетиции отдыхал с инвесторами его спектакля, которые, кстати, и угощали. Водка лилась рекой, стол от закуси аж ломался, было весело, пьяно и красиво. А потом один из инвесторов заказал девчонкам, занятым в проекте, мороженое, которое принесли в специальной посуде вроде бокалов. И Косте захотелось вдруг взять это мороженое, свалить из кафе и принести его Саше. В то, что снова не решится постучать в дверь, не верилось. Но как вынести мороженое в посуде? Увидят же! Не разрешат. А так хотелось сделать что-то приятное Саше, удивить ее своим вниманием, чтобы она поняла, что небезразлична Косте...

Он вкратце рассказал инвесторам о Саше и о

том, что хотел бы угостить ее мороженым именно из этого кафе и именно тем, что стояло сейчас на столе. Инвесторы, как ни странно, Костю поддержали. Среди них выделялась одна женщина, которая даже растрогалась, таким романтическим показалось ей то, что собирался сделать Костя.

Он вылетел на улицу пулей, бегом спустился в метро, забежал в последний вагон поезда, прильнул к стене, осторожно и нежно держа «бокал» с мороженым. Пассажиры во все глаза смотрели на чудака. Дорогу к общежитию преодолел сам не зная как. Поднялся на девятый этаж, даже не задержался ни на секунду около блочной двери, толкнул ее от себя, вошел в блок и смело постучал в дверь правой комнаты. Костя не знал точно, что должен сказать Саше...

Однако Саши не было. Дверь открыла ее соседка. Он почти не удивился: с его-то везением.

— Я ей передам, не волнуйся, — сказала соседка, беря мороженое. — Поставлю пока в холодильник. Ей будет приятно.

Костя кивнул на прощание и вышел в коридор.

Возникло нестерпимое желание кому-нибудь съездить по фейсу, хотя тот кто-нибудь ни в чем и не виноват. Злость давила веревкой, удавкой сжимая горло. Чтобы не задохнуться, Костя трижды вмазал кулаком по стене, обуздывая злость.

Хорошо, что руки были в перчатках, не раскровянил костяшек. А чего он ждал? Чего навывдумывал? Кто он Саше такой? Они виделись всего два раза, и то, как обычные знакомые, даже не близкие. Станет она сидеть и высматривать его, как же: где же это Костя подевался? Чего это он топчется в коридоре, как маленький, и никак не решится зайти?... Все очевидно: пока Костя болтался, как тот дундук, под дверью, его и опередили. В дальнейшем будет наука.

Он не знал, почему относился к Саше иначе, чем к остальным, с которыми очень быстро находил взаимопонимание и чувствовал себя раскрепощенно. С ними, другими, было легко и просто, и Костя не загонялся, если девушка нравилась, брал ее и все. Обе стороны, как говорят, оставались довольными. Тут же немел, «заикался и бледнел», словно в той песне про капитана. А впрочем, все они одинаковые. Гуляет где-то сейчас Саша со своим парнем и знать-не знает... Да и почему она должна знать что-то такое о Косте или догадываться? Она никому ничего не должна.

Не могла же Саша в самом деле читать чужие мысли, причем на расстоянии, и таким образом узнать, что по ней сохнет какой-то там Константин Островский. Не могла. И это факт.

Понуриив голову, Костя поплелся на свой седьмой этаж.

Соседушки-первокурсники где-то разбрелись по своим девчонкам или по сферам интересов. Они в последнее время редко ночевали дома, если домом можно назвать общагу. Тем лучше, спокойнее и тише будет.

Костя разделся, включил телевизор и растянулся на полуторной кровати, принадлежавшей ему, как старшему. Двухэтажные нары из сеток портили вид, но Костя привык за пять лет не обращать на них внимания.

Шел какой-то фильм, такой интересный, что он начал похрапывать. Даже свет выключил, чтобы уже уснуть, если что, и не вставать. А потом в дверь постучали (блочная никогда не закрывалась, так что стучали в его комнату), и так настойчиво, не останавливаясь, что Костя аж подпрыгнул спросонья. Включил свет, глянул на часы. Почти полночь без пятнадцати минут. Кого это принесло так поздно?... Соседи бы не стучали, у каждого есть ключ...

Он открыл дверь. На пороге стояла... Саша. Пустой «бокал» из-под мороженого держала в руке. И радостно улыбалась своей невероятной улыбкой.

— Спишь? — не спрашивая разрешения, прошла в комнату, плюхнулась на кровать.

Костя остался стоять на пороге, лицом к девушке. Он смотрел на нее и, что скрывать, раздевал глазами. Она, видимо, почувствовав,

покраснела и плотнее прижала к горлу ворот красного махерового свитера. Ответить он не успел. Саша его опередила.

— А я вот, — сказала, — пришла похвастаться, что съела твое мороженое, очень вкусное, кстати. — Голос ее был звонкий и чистый, как родник. — И лично поблагодарить тебя за такой неожиданный сюрприз. Давно меня никто так не впечатлял.

— Не за что, — наконец выговорил Костя. Он не мог поверить, что Саша у него, что она сидит на его кровати и разговаривает с ним.

— И ты садись, — пригласила она сестру рядом, — будь как дома. А то мне неудобно смотреть на тебя снизу вверх. Всегда голову задирать, знаешь, как неудобно! Ты же высокий, а я маленькая, поэтому давай уменьшай себя скорей.

Костя с удовольствием сел рядом с Сашей, не зная, однако, куда девать руки. То складывал их на груди, то уже через несколько секунд зажимал их между коленями, то вдавливал их в кровать, опираясь поочередно то на одну, то на другую, то чесал затылок, то бороду...

— Все нормально? — спрашивала Саша. — Ты хотя бы рад мне?

— Конечно!

— Я тоже рада, что зашла к тебе, — призналась Саша и тут же укорила: — А ты так и не

пришел.

— Не пришел, — вздохнул Костя, вынужденно соглашаясь.

— Ну, теперь уже точно будем ходить в гости друг к другу, да? — заглянула в глаза.

— Саша, я...

Волнуясь от Сашиной близости (вот же взрослый идиот), тем не менее Костя жаждал признаться девушке в своих чувствах к ней. Догадавшись, скорее всего, что вот-вот могло соскочить с его губ, вылиться на ее узкие худенькие плечи, Саша приложила палец к его губам и прошептала:

— Тс-с! Никаких слов!

Она поднялась с кровати. Но он не хотел, чтобы девушка уходила. Подумал, что пролетел. Опять вспомнил, что она никому ничего не должна и ему — никто. Стало так грустно от понимания того, что надежды, на которые рассчитывал, никогда не сбудутся. Его даже выслушать не захотели...

— Я пойду, Костя, — сказала Саша. — Спасибо еще раз за мороженое. — Поболтала пустым «бокалом» перед собой. — А это, — имела в виду «бокал», — можно останется у меня?

Костя кивнул, соглашаясь.

— Спокойной ночи! — пожелала Саша и решительно направилась к двери.

— Я провожу... — не менее решительно предложил вдруг свои услуги Костя.

— Ну, проводи, если хочешь, — умопомрачительно улыбнулась Саша, блеснув глазами. Хилая надежда начала оживать в его сердце.

Костя вошел в блок на девятом этаже вместе с Сашей, не обращая внимания на то, что, возможно, его не приглашали. И точно не приглашали. Было уже поздно. Саша незаметно зевнула, когда они поднимались на ее этаж, однако Костя заметил, как она прикрывала рот махеровым рукавом. Соседки ее уже спали.

Неуклюже, будто медведь, он обхватил Сашу руками, придавил к себе и ткнулся губами в ее губы. Она не сопротивлялась, и это его остановило, руки повисли культиями. Виноватый взгляд опустился на носки туфель.

— И чего мы застеснялись? — зашептала вдруг Саша. Она взяла его руки и положила их себе на талию. — Не вынуждай меня разочаровываться в тебе.

Девушка приподнялась на цыпочки, чтобы удобнее было обвить руками его шею, и первую поцеловала в засос.

— Костян, ты чё, уснул?! Тормоз?!

Это Мишаткин — высокий, широкоплечий, скуластый грузчик лет сорока пяти. Он стоял на фуре, перемещая рохлей — ручной гидравлической тележкой-с подъемными вилами — к краю кузова поддоны с ящиками, которые Костя должен был снять при помощи штабелера. Штабелер — грузоподъемник с вилами ручной серии SYC — на складе был один, значит, и работал с ним один человек, а для того, чтобы поднять вилы на нужную высоту после очередного спуска поддона с фуры вниз, требовалось время. В случае с Костей образовался вынужденный стопор. Смена из пяти человек ждала одного его, поскольку работа с ножной педалью производилась им недостаточно быстро. Другими словами, он не успевал за остальными. К тому же тем, кто оказались на фуре, — Мишаткину и Максу, — повезло, что весь груз изначально стоял на поддонах. Обычно приходящие фуры забиты до отказа ящиками вразброс, и их приходилось самим складывать на поддоны, что увеличивало объем и сроки работы. В сложившейся ситуации основная тяжесть труда ложилась на плечи Кости, вернее, на ноги. Процесс работы в основном зависел от него. Двое на фуре всего лишь перемещали груз по фуре, двое внизу отвозили снятый штабелером груз на склад и распределяли его по складу. Косте требовалось

поднять вилы до уровня высоты кузова фуры, подвести штабелер к фуре, просунуть вилы под поддон, оттянуть штабелер на себя, чтобы снять поддон с фуры и опустить его на землю. Потом откатить штабелер в сторону, чтобы спущенный поддон могли подцепить рохлей и увезти, и снова поднимать вилы, качая гидравлику ножной педалью.

Учитывая Костино состояние после Сашиного телефонного звонка, легко представить, что ему было не до работы. Хотя именно из-за Саши и ради Саши он оказался в грузчиках. Точнее, обстоятельства так сложились.

Бросив все, работу, дела, друзей, благополучие и комфорт в Борисове, где Костя жил последнее время, он приехал в Минск, сам не зная, на что рассчитывая. Его вела любовь к Саше, которую он больше не мог потерять. Слепая любовь, вынесшая ему мозг и превратившая в того, кем он никогда не являлся. Она изменила его до неузнаваемости, отобрав достоинство и веру в дело, которому он служил. Его ничто не останавливало: ни отсутствие жилья и работы в Минске, ни замужество Саши, ни ее ребенок. Первое — трудность временная и легко поправимая, второе вообще не принималось всерьез, а ребенок Костю обязательно полюбит. Он в этом не сомневался.

К счастью или так карта легла, но когда Костя

собирал вещи в Борисове, запихивая их в сумку, ему позвонила сестра и предложила снимать квартиру в Минске вместе. Они никогда особо не общались. Юлька, моложе Кости на пять лет, как выскочила замуж почти сразу же после школы, так и пропала из поля его зрения. Разумеется, предложение сестренки Костю обрадовало, поскольку один он квартиру не потянул бы, а комната — не вариант, разве что на самый крайний случай. Не хозяин сам себе, по опыту знал, не понаслышке. Причины, побудившие Юльку к такому предложению, Костю мало занимали, но из вежливости он спросил, в чем дело. Оказалось, после девяти лет семейной жизни сестра развелась, детей у нее не было, да и не телефонный это разговор. Они договорились встретиться на ж/д вокзале. Юлька обещала ждать брата на платформе, куда прибудет электричка с ним из Борисова.

Они не виделись со дня ее свадьбы, созванивались, конечно, но не более того. Костя, тем не менее, сразу узнал сестру, Юлька почти не изменилась. В кожаном теплом приталенном полупальто с меховыми воротником и рукавами, в обтягивающих джинсах и в кожаных шнурованных полусапожках на каблуках, девушка пританцовывала, согреваясь от январского холода. Ее длинные светлые волосы свободно лежали на плечах, глаза щурились то ли от полуденного

морозного солнца, то ли от напряженного поиска брата в несущейся на нее толпе.

— Привет, сестренка! — остановился рядом с девушкой выше нее на голову мужчина в ветровке, в теплом свитере под горло, с черной дорожной сумкой через плечо. Черные с проседью волосы зачесаны назад. Очки. Бородатое лицо дружелюбно улыбалось.

— Костя?! — она явно его не узнала.

— Ну, — подтвердил он. — Обнимемся, что ли?

— Давай, — тут же согласилась Юлька и первую бросилась на шею брату. Костя сжал ее в объятиях и поцеловал в щеку. — Седой, — провела по его волосам.

— Ну так не молодеем, — сказал Костя. — Зато ты цветешь и пахнешь, — добавил.

— Спасибо на добром слове, — зарделась Юлька, высвободилась из объятий брата и взяла его под руку. — Ладно, пойдем на троллейбус.

— Куда поедем?

— Квартиру обживать.

— Ты уже сняла?

— Да, вчера вечером. Так что ты мне должен половину суммы.

— Оперативно ты. Нормальная?

— Тебе понравится. Во всяком случае, надеюсь.

— У меня есть выбор?

— Выбор есть всегда, — ответила Юлька.

Они сели на 64-й троллейбус, чтобы ехать до конечной. По дороге Юлька призналась, что еще не развелась с мужем, но жить с ним, с его родителями и сестрами больше не может, к тому же у нее есть другой. Процесс развода запущен, так что она на стадии ожидания. Работала Юлька в «Альфа-банке» оператором колл-центра, на профессиональном жаргоне, «розеткой». Отвечала на телефонные звонки, консультировала клиентов банка по разным вопросам. Параллельно училась в БГУ на факультете социологии заочного отделения. Муж ее слесарил на моторном заводе, а по вечерам пропадал в гараже, вылизывал свою машину. Машина он ценил выше жены. Внимания, как такого, Юлька не получала даже в начале, как не получала и удовольствия от секса, поэтому появление мужчин, внимательных и заботливых, — следствие поступков мужа. Она не считала себя ни виноватой, ни жертвой. Она — женщина, и хотела ощущать себя женщиной, а не домработницей. Костя ее понимал. Да и как иначе, даже если она была бы тысячу раз не права. Они брат и сестра все-таки, родная кровь... Хотя внешне абсолютно не похожи. Юлька скорее в отца пошла, и характером тоже. Костя — копия матери: тихий книжник, спокойный, добрый, по крайней мере,

таким Юлька его помнила.

Они ничего друг о друге не знали, несмотря на родство, исключая лишь то, что помнили из детства. Юлька понятия не имела, что за человек ее брат, так же, как и он не представлял, в кого выросла сестренка. Обстоятельства сложились таким образом, что они оказались вместе, а может, закономерность. В случайности ни Костя, ни Юлька не верили.

Они вышли на конечной, перешли дорогу, немного вернулись назад и повернули направо. Дом по улице Есенина, в котором им предстояло жить, одноподъездный столбик с длинными глубокими тамбурами на каждом этаже, встретил глухонемой настороженностью в виде четырех человек, общающихся между собой языком жестов. Юлька поздоровалась с ними, Костя кивнул, те заулыбались.

Квартира выглядела просторной, несмотря на обилие мебели: шкаф у стены слева, два дивана, один побольше, другой поменьше, обитые плюшем, над тем диваном, что побольше — книжные полки без книг; у окна справа — телевизор на тумбочке, дальше раздвижной стол, компьютерный стол, стул, кресло, обитое плюшем; пол паркетный. В прихожей тоже имелся шкаф и антресоли. Кухня была хоть и маленькой, за счет балкона, но с недавним ремонтом, новой мебелью и подвесным

ПОТОЛКОМ.

— Располагайся, — сказала Юлька Косте, — пока. Я, думаю, к вечеру переберусь.

Костя развалился на диване, вытянув ноги.

— А сейчас куда? — спросил он.

— К мужу, — ответила сестренка, — за вещами.

Она ушла, и Костя остался один. Он позвонил Саше, сообщил, что приехал в Минск и уже снял квартиру. Саша пообещала, что обязательно заедет к нему в гости, и посоветовала, не откладывая, искать работу.

Он и не откладывал. Еще в Борисове решил, что придется податься в грузчики. Времени ходить по столичным театрам и показывать себя не будет, хотя нереализованные амбиции рвались наружу, как загнанные волки, почуяв столичный дух и море возможностей. Успеется. В сложившейся ситуации приоритет отдавался, к сожалению, быстрому и действенному способу зарабатывания денег. Помимо оплаты квартиры требовались средства на прожитие, не считая сумм, которые обязательно должны быть на кармане при встречах с Сашей. Работа грузчиком, по мнению Кости, подходила как никакая другая, разумеется, временно, пока все не устаканится. Он не стыдился своего выбора. Отец всю жизнь проработал грузчиком, и его многие уважали. Саша тоже поддержала Костю. Поэтому

он ни секунды не раздумывал, когда набирал номер, оставленный для связи на одном из сайтов по поиску работы, компании «Биарком». Костя просто тыкнул пальцем, как в небо, закрыв глаза, в список предложений работодателей, положившись на удачу.

Ему повезло. Приятный женский голос сообщил, что Костя может приходить прямо сейчас на склад по Второму велосипедному переулку и приступать к работе немедленно, если его устроят условия труда и оплата. Естественно, Костя не мешкал. 64-м троллейбусом он доехал до Дружной, а там 127-м автобусом домчался до проспекта Рокоссовского и вышел напротив Гиппо. Склад находился в трех минутах от супермаркета.

Частное предприятие «Биарком» являлось поставщиком товаров народного потребления. Продукция, предлагаемая компанией, производилась в разных странах мира, как в близлежащих, так и в странах дальнего зарубежья, имела высокое качество благодаря многолетним совершенствующимся технологиям партнеров компании. Покупателю предлагался широчайший ассортимент продукции, состоящий из более чем четырехсот наименований продукции чайно-кофейной группы, кондитерских изделий, продуктов быстрого приготовления известных торговых марок, презервативов, зажигалок. Также

компания предлагала быструю доставку до конечного потребителя и индивидуальный подход к каждому клиенту.

Помимо погрузочно-разгрузочных работ в обязанности Кости и остальных грузчиков входило комплектование товара согласно заявкам. График работы предоставлялся посменный, пятидневный: первая неделя — с восьми утра до четырех дня, вторая неделя — с четырех дня до двенадцати ночи. Во время второй смены зачастую случались переработки до двух-трех часов ночи, иногда до восьми утра. Если была необходимость выйти в выходной день — смена оплачивалась в двойном размере. Каждая смена состояла из пяти человек, включая бригадира смены.

Костя поначалу оробел, оказавшись на складе, увидев, куда он попал. Мысли его и ноги криком кричали: беги отсюда. Бетон пола, стен и высокого потолка в обнимку с пылью обрушились прессом на мозг и вдавили серое вещество в черепную коробку, даже не расплескав ни капли, намертво. Костя задыхался, как астматик, скорее на улицу, прочь из этих стен, заставленных штабелями различных по виду и по размеру коробок, глотнуть свежего воздуха... Проходившие мимо занятые грузчики толкали его, насмешливо ухмыляясь. И было понятно, почему. Что забыл здесь этот интеллигентного вида очкарик?

— Курышь? — взяв за плечо, Костю отвел в сторону Заза — кладовщик, сорокалетний худощавый грузин с почти лысой головой и трехдневной щетиной. Это он объяснял ему несколько минут назад принцип и условия работы на складе в комнатке-офисе, расположенной неподалеку от входа на склад, где кладовщики переодевались, где имелись компьютерный стол непосредственно с компьютером и принтером, микроволновка, электрочайник.

— Что, простите? — не понял Костя, все еще находясь под впечатлением от увиденного.

— Курышь? — повторил вопрос Заза, доставая сигареты. Видимо, он почувствовал интуитивно или инстинктивно состояние нового соискателя и пришел на помощь.

— Пожалуй, — кивнул Костя.

— Ну, пошли тогда, — увлек Костю Заза за собой.

Они вышли на улицу. Свежий воздух едва не сшиб Костю с ног апперкотом. Он часто-часто открывал рот, как выброшенная на берег рыба, хватая кислород, словно жаба, охотящаяся на комаров.

— Дышы, дышы, — поддержал его Заза. — Нэ ты пэрвый.

Костя достал сигарету, прикурил, вроде полегчало после нескольких затяжек.

— Я нэ спрашываю тебя, зачэм тебе это надо, — продолжал Заза, — но если останешься, вэлком.

— Останусь, — твердо произнес Костя.

— Ну, тогда завтра приходи к восьми утра.

— Приду.

— У нас ничего сложного нэт. Нагрузка, в основном, на ноги. Побегать придется по складу, собирая заяуки.

— Я приду.

И он пришел, и работал уже пятый месяц, когда позвонила Саша...

5

— Костя работает мэдленно, но вэрно, — произнес Заза, не обращаясь ни к кому и ко всем одновременно. — Видимо, ему никуда нэ надо, — продолжил он развивать свою мысль. — Куда Косте торопиться? Детэй у него нэт. Никто его не ждет дома. Наверняка он хочет задержаться на складе до утра.

— Костян! — снова Мишаткин. Ему задерживаться на работе очень не хотелось, да и никому в общем. Он был отцом четырех девочек мал-мала меньше: поздно женился, молодость потратив на развлечения и наркотики в Голландии, куда уехал в начале девяностых, а вернулся в 2001

году. Собственную двухкомнатную квартиру на Энгельса в доме, где жили Короткевич и Глебка, окнами на резиденцию президента, он сдавал иностранцам, для себя и семьи снимал дом под Боровлянами. — Ускорься уже! Одного тебя ждем!

— Покурыте, хлопцы, — предложил Заза, закуривая первым. — Повезло, что заявок покуда нэту.

Закурили Мишаткин, Гена и Серега. Макс не курил.

Костя с Геной на «Биарком» пришли в один день и как-то сразу нашли общий язык, хотя Гена был старше лет на десять, однако выглядел гораздо моложе своих лет. Ниже среднего роста, подтянутый, ловкий, Гена быстро освоился на складе, но штабелер не любил, как, в общем-то, и все остальные, исключая разве что Костю. Гена жил неподалеку от склада, на Плеханова, недавно развелся с женой, с которой осталась взрослая дочь, отсидел три года за мошенничество, будучи экспедитором. В свободное от работы время читал книжки.

Высокий длиннорукий Серега тоже жил рядом со складом, напротив Гиппо. Раньше он работал на другом складе, принадлежавшем фирме, специализировавшейся на парфюмерии и бытовой технике. Ушел он оттуда потому, что хозяин фирмы начал наглеть: зарплату платил не вовремя и

меньше, чем обещал, к тому же каждый день получался ненормированным. С той фирмы постоянно грузчики уходили. Бывало, что Серега вообще оставался один и работал за всех, а никакой прибавкой и не пахло. Он посоветовался с женой, она у него преподавала в университете, и та согласилась, что ему нужна другая работа. Возможно, Заза в недалеком будущем назначит его бригадиром. Серегин опыт, авторитет, то, как он руководил процессом работы, нравились Зазе, хотя Серега появился на складе сравнительно недавно.

Макс был самым младшим в смене и бригадиром, но очень мягким для бригадира человеком. Его воспитала тетка, умершая от лейкемии, когда Макс оканчивал школу. Дальше учиться парень не захотел, да и смысла особого в учебе не видел. Пошел в грузчики, путешествуя по складам столицы, как по городам и весям.

— Аллилуйя! — воскликнул Мишаткин, увидев, что Костя, наконец, справился с поднятием вил.

Костя толкнул штабелер от себя и подкатил к фуре, приподнял вилы еще немного, просунул их под крайний поддон, подцепил его и потянул штабелер на себя, после чего опустил поддон на землю, откатил штабелер в сторону и снова принялся нажимать ногой на педаль. Гена, натянув спущенный поддон на рохлю, повез его на склад.

— Нэт, так дело не пойдет, — покачал головой Заза и обратился к Максy: — Заменя его покуда.

Макс отлепился от стены, в которую упирался спиной, и подошел к штабелеру.

— Иди, Костя, отдохни, — сказал.

Костя молча отошел от штабелера и закурил.

— Что-то случилось? — спросил его Заза.

— Что-то случилось, — подтвердил Костя. —

Не знаю теперь, радоваться или...

— Поменьше беры в голову, если ты на работе, — посоветовал Заза. — Мешает умственный процесс физической работе, понимаешь? Покуры, подумай, и за работу. Сейчас Кашкан приедет, заяуки начнем собирать. Вы с Мишаткиным останетесь на фуру. Справитесь и удвоем. Там нэ так много. Это нэ вразброс. Все упаковано. Если что, меняйтесь. Он на штабелер, ты на фуру и обратно. Понятно?

Костя кивнул, соглашаясь.

Они работали молча, как и советовал Заза, меняясь. На фуру, конечно же, было легче. Проще простого передвигать поддоны рохлей с одного края в другой. Костя успевал покурить всякий раз в перерывах между снятием поддона с фуры и поднятием вил на штабелере Мишаткиным, который работал не намного быстрее Кости. К тому же Костя еще и отвозил поддоны на склад.

Скоро стемнело и пошел дождь.

Около девяти вечера фуру, наконец, опустошили.

Мишаткин направился в «офис» перекусить, Костя зашился подальше от всех, в темный закуток склада, достал телефон. Он позвонил сестре. Как ни странно, они сильно сблизились и доверяли друг другу самые сокровенные тайны и мысли, терзавшие их. Видимо, родная кровь уничтожила возникшее было недоверие и настороженность первых дней совместной жизни.

— Слушаю, — отозвалась Юлька после третьего гудка.

— Привет, ты дома? — спросил Костя.

— Да, котлеты варганю, ты когда нарисуешься?

— Не знаю. Тут кое-что случилось. Не до котлет.

— Надо же! — воскликнула Юлька. — И что же такого особенного произошло, что такого проглотила как ты отвернуло от моих котлет? — Девушка намекала на аппетит брата и без того зверский после каждой смены, который еще более увеличился, когда Костя, пусть и не по своей воле, перестал общаться с Сашей.

— Звонила Саша, — ответил Костя. — Сегодня.

— И чего хотела эта неврастеничка? —

язвительно поинтересовалась Юлька, относившаяся к ней с неприязнью. У обеих это чувство было взаимным, хоть и пересеклись они однажды и то мельком. Юлька тогда пришла с работы, а Саша как раз уходила, и Костя ее провожал. Они столкнулись в прихожей, смерили друг друга оценивающими взглядами и дико не понравились одна другой. Костя их познакомил, но на этом знакомство, как таковое, и закончилось. Однако Юлька знала много чего про Сашу со слов брата, который, после каждой встречи с ней, приходил взвинченный и растроенный чаще, чем веселый. И она ему верила, потому что с первого взгляда разглядела в Саше ту еще стерву и эгоистичную тварь, в чувства которой, наоборот, не верила. Ей сразу показалось, что в Саше много скрытой злобы, что она хочет повелевать кем-то, а не любить, и это ее насупленное лицо и презрительный взгляд на Костю, когда тот с щенячьей преданностью застегивал ей молнию на сапожке...

— Она попросила прийти, боится, — тоскливо произнес Костя.

— И ты, конечно же, поджав хвост, побежишь к ней, как собачка, — безапелляционно констатировала факт Юлька.

— Зачем ты так?

— А как? Ты же уже завтра будешь плакаться мне о ее несправедливом к тебе отношении! Ты же

мужчина в конце концов! Она тебя бросила, променяла на какого-то упыря, трахалась с ним...

— Перестань... — то ли простонал, то ли попросил Костя. Он и без сестры прекрасно понимал ситуацию, но закрывал глаза на очевидное. — Я люблю ее.

— Это не любовь, Костя! Это укус скорпиона. Любовь приносит наслаждение и радость. А ты теряешь рядом с этой сукой всяческое уважение к самому себе и достоинство. Почему ты не хочешь заниматься режиссурой? Тебе же предлагали уже место на киностудии. Сашенька не одобрила, да? Разумеется, ей выгодно, чтобы ты оттенял ее собственное ничтожество своим низким социальным статусом...

— Юль, ну хватит...

— А чего ты хотел? Зачем ты мне позвонил? Чтобы я тебя остановила? Отговорила как-то? От чего? Твой враг — ты сам. Пока лично ты не поймешь, в какое говно вляпался, ничего не поменяется. Будешь таскаться за ней хвостиком, а она вытирать об тебя ноги. Ты же был другим, я помню это.

— В общем, — вздохнул Костя то ли обреченно, то ли приняв единственно правильное решение, — я пойду к ней после работы. Может, ей действительно нужна моя помощь.

— Твое дело, — сказала Юлька. — Позвони

потом: ждать тебя или нет.

— Позвоню, — произнес Костя.

Он отключил телефон и вышел на свет. Смена налаженно занималась сбором товаров по заявкам.

— Костя, — обратился к нему Заза, держа в руке лист с очередной заявкой, — тебе по блату двадцать пять ящиков вермишели.

— Понял, — кивнул тот, взял свободную рохлю, кинул на нее поддон и направился к тому месту на складе, где хранился запас вермишели быстрого приготовления. Беря зараз по пять ящиков, он в пять заходов нагрузил поддон и покатил его к машине, стоявшей у главного входа склада с открытым настезь бортом. Около машины Костя остался помогать водителю-экспедитору в погрузке собранного товара и проверке наличия товара по заявкам.

В десять вечера смена закончилась, что бывало не часто, учитывая последний рабочий день недели. Обычно по пятницам работа затягивалась надолго.

Дождь кончился. В свете уличных фонарей глянцевито блестели лужи. Стало очень тепло, если не сказать душно.

Выходя со склада, Костя набрал Сашин номер.

— Привет, — сказал он в трубку. — Предложение еще в силе?

— Ты придешь? — прошептала Саша.

— Да.

— Когда тебя ждать?

— Я уже выхожу. Минут через двадцать буду.

— Ты голодный? Ой, что я спрашиваю, дура, конечно, голодный после работы. Я что-нибудь приготовлю, а ты, может, пивка возьмешь?

— Хорошо.

— Ну тогда до встречи?

— До встречи.

Костя улыбнулся, пряча телефон в карман куртки.

— Чё веселый такой? — догнал его Гена. — По пивасу или чего покрепче? — не дожидаясь ответа, предложил.

— Я пас сегодня, — отказался Костя.

— Ну как знаешь. Я угощаю.

— В другой раз.

Гена пожал плечами, мол, дело твое. Он, Макс и Серега подались в ближайший магазин, в двух шагах от склада, отвести душу перед выходными. Костя пошел в Гиппо, где купил сигарет и двухлитровую бутылку «Оболони светлой». Он ни о чем не думал и не хотел думать, вспоминать, анализировать, сопоставлять очевидное с догадками, домыслами, предположениями. Костя хотел увидеть Сашу, обнять ее, поцеловать, он хотел к ней и ее, и больше его ничего не интересовало, не волновало и не тревожило.

Слишком устал он от разных мыслей и быть вдали от нее. И плевал он на Тютрина, на ее бывшего мужа и иже с ними. Сейчас именно он был нужен ей.

Костя сел на 20-й троллейбус и доехал до остановки Малинина. Пройдя через арку, остановился у второго подъезда, закурил. Домофона в Сашиной квартире не было, поэтому Костя позвонил ей на телефон.

— Я у подъезда, — сказал.

— Бегу, — выдохнула Саша в трубку.

Через пару минут подъездная дверь распахнулась, и в ней появилась Саша. В кремового цвета шелковом халатике, подаренном Костей. В мохнатых тапках не по размеру: ее 35-й днем с огнем не отыскать. С распущенными по плечам золотистыми волосами, с которыми тут же заиграл ветерок, метнувшийся внутрь, как котенок. С обезоруживающей сногшибательной улыбкой, свойственной только ей.

Глядя на девушку, Костя застыл на месте, как парализованный. Ее ангельская красота поражала мозг и дыхательные пути. Воздуха ему тоже не хватало.

— Привет, — продолжала улыбаться Саша, довольная произведенным эффектом, — Костя. Ты пришел. Заходи.

Она развернулась и ланью устремилась вверх

по лестнице к лифту. Костя, преодолевая ступор, последовал за ней.

Они стояли в лифте, пока он поднимался на шестой этаж, друг напротив друга, не отводя глаз. В глазах девушки плясали чертики. Костя не мог больше сдерживаться. Пиво выпало из его рук и глухо стукнулось об пол. Саша скрестила руки на груди. Костя обхватил ее за плечи и прижал к себе, склоняясь к изгибу шеи девушки. Запах ее тела, вся она сводили его с ума. Он погрузил свои губы в ее кожу, словно нежный вампир, прижимая к себе все сильнее и сильнее...

— Тише, тише, тише, тише... — торопливый Сашин шепот опьянил еще больше, но и остановил наваждение.

— Прости, — выдохнул Костя, отпуская ее.

Лифт остановился в тот же момент.

— Никогда не извиняйся, Костя, в подобных случаях, — посоветовала девушка и вышла из лифта, поправляя съехавший с плеча халат.

— Не буду, — буркнул Костя, поднимая пиво.

Когда он вошел в квартиру и остановился в прихожей, чтобы снять обувь и куртку, к нему на шею бросился Пашка.

— Костя! — радости мальчишки не было предела. — Как хорошо, что ты пришел! Я так по тебе скучал! Ты раздевайся и проходи и больше не уходи, ладно?

— Он никуда не уйдет, Пашенька, — сказала Саша, обнимая сына, — по крайней мере, сегодня, — взглянула на Костю, — правда ведь?

— Что произошло? — снял куртку Костя и переобулся в тапки. Мэри, запрыгнув на столик с домашним телефоном и вазой с искусственными цветами, замурлыкала, подбираясь к гостю. Она вскочила ему на плечо и потерлась мордашкой о Костино лицо.

— Смотри, мама, как Мэри соскучилась по Косте! — заметил Пашка.

— Я тоже, — провела Саша рукой по Костиным волосам, взяла пиво и пошла на кухню.

— Ты же защитишь нас от Жени? — спросил Пашка, снизу вверх вглядываясь в Костины глаза. — А то он маму бьет и деньги все наши забрал...

— Разберемся, — ответил Костя, придерживая Мэри, которая улеглась шарфиком на его плечах.

— Ты уж разберись, пожалуйста, — продолжал Пашка.

— Обещаю.

— Ну тогда проходи, не стесняйся, — потащил Пашка Костю за руку в зал, — будь как дома, помогай мне в Бэтмена играть...

Он усадил Костю на тахту с открытым ноутбуком и примостился рядом. Мэри спрыгнула на подушку и тоже расположилась около ноутбука

со стороны куллера.

— Смотри, Костя, как я умею бесшумно убивать врагов, — прихвостнул Пашка, управляя компьютерным персонажем.

— Молодец, — похвалил его Костя, глядя в монитор ноутбука, где Бэтмен, плавно спланировав с гаргульи, ловко обезвредил двоих прихвостней Джокера.

Неслышно вошла Саша и увела Костю с собой на кухню, сказав сыну, что ему осталось играть полчаса, а потом спать, Костя ему почитает перед сном. Пашка, не отрывая взгляда от ноутбука, милостиво согласился с мамиными словами.

— Я тебе разогрела котлеты и пюре, — проговорила Саша, ведя Костю на кухню, где на столе дымилась горячая картошка, на отдельной тарелке лежали котлеты и порезанные помидоры, стояло разлитое по кружкам пиво.

Они сели друг напротив друга. Саша подняла кружку с пивом.

— За встречу! — произнесла.

Костя согласно кивнул, сделал несколько больших глотков, принялся за пюре и котлеты. Ел он жадно и быстро, то и дело бросая осторожные взгляды на Сашу, на синяки на ее обнаженных руках и ногах, на едва заметную шишку на лбу, на тщательно замаскированный кровоподтек на подбородке, невольно сжимая кулак. Девушка тоже

смотрела на Костю, наблюдала за тем, как он ест, размышляла, не совершила ли ошибку, позвав его. Простит ли Костя ее, простил ли уже? Саша была уверена в положительном ответе. Она знала наверняка, что Костя любит ее, и чтобы она ни натворила, как бы его ни обидела, он никогда не отвернется от нее. Это и пугало. Но еще хуже было остаться сейчас одной со всеми своими страхами и вздрагивать от каждого шороха и звонка или стука в дверь. То, что Женя не оставит ее в покое, вполне очевидно. Тот тоже ее любил. Однако любовь Тютрина приносила лишь разрушение и боль. Он пересек черту доверия, уничтожив в секунду все хорошее, что Саша к нему испытывала, хотя изначально знала, что он мерзавец и подонок. Но именно к таким ее и тянуло всегда. Костя был другим. Единственным в ее жизни другим. Добрым, внимательным, заботливым, души в ней не чаявшим, но... скучным. Однако как его любил Пашка!..

— Очень вкусно, спасибо! — отвлек Сашу от мыслей Костин голос.

— На здоровье, — произнесла она. — Покурим? — предложила. Саша знала, что Костя всегда курил после еды. Она тоже покуривала, сигареты три в день, но под пиво была не прочь и почаще.

Они вернулись в зал, вышли на балкон. Костя

прикурил ей, затем себе.

— Рассказывай, — затянувшись, выдохнул.

Саша села на единственный здесь стул, подобрав под себя ноги, откинулась на спинку, сделала затяжку, долгим пристальным взглядом окинула Костю, как бы взвешивая в уме все за и против, стоит ли тратить время на него.

— Хотя можешь ничего не говорить, — продолжал Костя, — Пашка уже просветил. Да и я не слепой, — провел он рукой по синякам на Сашиних ногах и руках.

— И что ты сделаешь? — лукаво спросила девушка.

Костя в ответ пожал плечами.

— Я так и думала, — усмехнулась Саша. — Что ты вообще можешь?

— Так, значит, — неуверенно проговорил Костя, — мне уйти?

— Давай, вали! Сбегать у тебя получается лучше всего! — воскликнула Саша.

— Прости.

Костя стянул Сашу со стула и крепко прижал к себе.

— Я боюсь, Костя, — подняла она глаза на него, — очень боюсь, понимаешь, за Пашку? Женя сегодня забрал его из детского сада, ничего не сказав мне, а потом такое началось... Он не оставит нас в покое. Я знаю.

— Я разберусь, — пообещал Костя, глядя Сашу по голове, как котенка.

— Разберись, пожалуйста, — попросила она. — А главное, будь с нами. Ты нам очень нужен, Костя! — призналась.

Они докурили и вернулись на кухню.

— Как работа? — поинтересовалась Саша, разливая еще по кружке пива.

— Нормально, — ответил Костя.

— Не тяжело?

— Иногда бывает.

— А Юля как?

— У нее все отлично.

— Я рада.

Поставив бутылку с пивом в угол стола, Саша неожиданно для Кости села ему на колени лицом к лицу. Костя тут же обнял ее, словно ждал этого момента всю жизнь. Саша тоже льнула к нему всем телом. Ее губы жадно пленили его. Горячее дыхание пьянило больше, чем пиво. Изящные тонкие пальчики Саши хаотично взъерошивали Костины волосы.

— Скажи мне, — обдавая приятным теплом, зашептала Саша на ухо Кости, — ты меня еще любишь?

— Люблю, — выдохнул тот.

— Сильно-сильно?

— Больше жизни.

— Это всего лишь слова.

— Зачем тогда спрашиваешь?

— Чтобы услышать их. Так приятно, когда ты говоришь, что любишь. Я очень по тебе скучала.

— И я по тебе.

— Верю.

— А я нет.

— Что? — вскрикнула Саша и залепила Косте легкую пощечину.

— Ты что творишь? — ошарашенно вылупилась тот на нее.

— Ой, прости-прости-прости, — подула на пострадавшую щеку Кости девушка и поцеловала ее затем. — Ты не имеешь права мне не верить, — снова зашептала, сводя этим шепотом Костю с ума. — Ты ведь хочешь меня?

— Хочу, — поцеловал он ее в шею.

— Скажи тогда, что веришь мне.

— Верю.

— А что ты со мной будешь делать?

— Все, что захочу.

— Правильный ответ. Тогда, — отстранилась Саша от Кости и пересела на табуретку, взяв пиво, — нужно побыстрее укладывать Пашку, чтобы ты успел еще в душ. — Она поднесла кружку с пивом к губам и одним махом ополовинила ее. — Я на балкон, а ты Пашкой займись, — сказала как отрезала.

Сашин отец погиб, когда ей было десять лет. Сгорел при пожаре, спасая ребят из детского приюта. В тридцать три года. Мало кто знал, что он писал стихи. Саша случайно нашла среди вещей на чердаке пожелтевший, обтрепанный блокнотик, почти целиком исписанный папиным почерком. Но только для нее этот блокнотик со стихами имел какую-то ценность. Может быть, из-за папиных стихов, которые Саша выучила наизусть, возникла и любовь к книгам, к слову, она даже пыталась писать, но редко с кем делилась написанным; может быть, поэтому и выбор при поступлении после школы оказался закономерен.

Мать вырастила Сашу одна — единственное, что оставил ей муж в наследство.

В тринадцатилетнем возрасте Сашу изнасиловали. Однажды зимним вечером лучший папин друг подкараулил ее после школы и овладел в снежном сугробе за сараем. Он долго потом извинялся, что не смог сдержаться, но обвинял во всем Сашу, ее необыкновенную красоту, мимо которой просто так пройти и не заметить — преступление. Она не сдала его. Никто об изнасиловании не узнал. Сам того не желая, папин друг завел, пусть и не через парадный вход, а

черным ходом, что еще лучше, в замок большого секса. Однако девушка четко и ясно отличала секс от любви. Секс для нее ничего не значил, помимо средства наслаждения, и то на несколько минут. Это же не серьезно. Любовь — другое дело. Поэтому она и потянулась к Косте, как к спасательному острову, почувствовала в нем родственную душу, своего человека, с которым ощущала себя как дома, отдыхала, можно сказать, и накапливала новые силы, чтобы жить и двигаться дальше. То, что Саша испытывала к Косте, те чувства, любовью трудно назвать, они нечто большее, чем любовь, другого, более высокого уровня, хоть и с горечью, если попробовать на вкус. Но горечь сладкую.

Безусловно, когда Костя пропал после распределения, девушка тосковала. Возникали такие моменты, когда не было куда деться от страшной беспросветности, и она выходила из общежития на улицу. Гуляла допоздна по городу, частяком останавливалась в Троицком предместье. Припозднившись, шла коротать ночь на железнодорожный вокзал, поскольку после двенадцати в общежитие не пускали. Там знакомилась с удивительными людьми, они ей помогали обрести вновь равновесие и покой, а главное, забыть Костю, который врос в ее сердце и вцепился, как клещ, что никак не избавиться, но и

не простить, пусть вынужденного, но побега, а значит, измены. «Он просто зассал!» — так думала она о нем, поэтому и не отвечала на его телефонные звонки или выключала телефон. Оттого, что было нестерпимо плохо, Саша умышленно искала приключений на свою попу, конечно же, сексуальных. Пока не наткнулась на чистого домашнего мальчика, девственного по своей природе. Он восхищался ею, что не удивительно. Ангельская внешность постоянно вызывала у окружающих Сашу людей искреннюю и неискреннюю приязнь. Тот мальчик красиво ухаживал за Сашей, а просить ее руки и сердца приехал к общежитию на белом лимузине с огромным букетом роз из ста цветков. Саша думала, что будет счастлива, тем более что в день свадьбы узнала, что ждет ребенка. Через неделю совместной жизни она поняла, что ошиблась. Ее муж оказался духовно скупым и абсолютно не интересовался тем, что интересовало ее. Искусство? Он вообще не знал такого слова. Книги? Он и книги — несовместимые вещи. Он восхищался только машинами, футболом по телевизору с пивом и чипсами и рыбалкой. Еще через неделю Саша узнала, что лимузин, розы и красивые ухаживания взяты в кредит, который должен был кто-то оплачивать. Этим кем-то пришлось стать ее маме. Она же платила каждый месяц и за квартиру,

которую молодожены снимали. Родители мужа не приняли сноху и не разрешили им жить в их квартире. Свекровь якобы сразу рассмотрела порочность в ангельском облике. Хорошо хоть, что прописали. Без минской прописки было бы тяжело. Сына Сашиного новые родственники тоже не хотели признавать. Говорили, что еще неизвестно чей он, но отказывались от экспертизы ДНК. Вдобавок ко всему муж как-то признался, что женился на ней, чтобы не загреметь в армию. И кому пожаловаться, у кого просить помощи?... А Кости нет и не будет...

Саша закрывалась в ванной и буквально выла от отчаяния, включив воду, чтобы не было слышно. Слезы сползали по щекам черными шрамами, размазывали туш, плечи вздрагивали при каждом вскрипе. Жалея саму себя, все равно никто не видел, ревела навзрыд. Потом успокаивалась, умывала лицо, набирала ртом побольше воздуха, глядя в зеркало, выдыхала, улыбалась своему отражению, последний раз, «предсмертный», всхлипывала и выходила к мужу и сыну, как «огурец».

Терпела она, пока могла. Хорошо, что муж целый день пропадал на работе. Слава, так его звали, устроился на Тракторный завод, кем, Саша не знала и даже не интересовалась, так ей было все равно. Находясь в декрете, одна занимаясь